

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.023
УДК 821.161.1-3 Решетников +
+ 811.161.1'373.23 + 808.1

А. П. Липатова
Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
Ульяновск, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В «НИКОЛЕ ЗНАМЕНСКОМ» Ф. М. РЕШЕТНИКОВА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Статья посвящена анализу ономастических стратегий в рассказе «Никола Знаменский» Ф. М. Решетникова, представителя этнографического направления в русской литературе XIX в. Десять персонажей произведения имеют имена. Выделяются три типа стратегии именования, основанной на характере вариативности именных форм: константный, двухвалентный и плюралистический. Константный тип предполагает единообразное именование персонажа всеми действующими лицами, при этом используется только полная форма имени (священнослужители *Василий*, *Олекей*, тетка *Матрена*) или только гипокористика (дьячок *Сергунька*, писарь *Васька*). При именовании персонажей из круга семьи главного героя (брат, сыновья) реализован двухвалентный тип: полная форма характерна для речи рассказчика, дериват на *-ка* — для речи знаменского священника. Именно так именуется в рассказе сын — тезка главного героя (*Николай* — *Колька*). Плюралистический тип, предполагающий широкое разнообразие вариантов, воплощается в именовании главного героя рассказа, Николая Знаменского. В тексте встречаются шесть форм его имени: церковные начальники используют полную официальную форму; в речи рассказчика наблюдаются официальный (*Николай*) и народный (*Никола*) варианты; сам герой, как и его паства, используют различные народные варианты имени (*Никола*, *Микола*, *Микула*); члены семьи Николая Знаменского называют его при помощи гипокористических форм имени. Максимальная ономастическая вариативность именования главного

© Липатова А. П., 2023

героя рассказа позволяет продемонстрировать все его социальные связи: он подключен и к «официальной» (через свое духовное звание), и к «семейной» парадигме (через сына, в честь него названного), но прежде всего оказывается вписанным в «народную» парадигму и через нее причастен к образу своего святого покровителя — Николая Чудотворца. Вариативность имени персонажа позволила автору произведения создать неоднозначный образ народного священнослужителя.

Ключевые слова: Ф. М. Решетников; «Никола Знаменский»; антропоним; литературная ономастика; вариативность; ономастическая стратегия

Введение

Имя собственное в художественном тексте — предмет изучения поэтической (или литературной) ономастики [Виноградова, 2001; Фомин, 2009; 2019; 2021; Баранова, 2013; Васильева, 2019; и мн. др.].

По мнению М. В. Горбаневского, «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик» [Горбаневский, 1988, 4]. Имя собственное, являясь «текстовой скрепой», выполняет текстообразующую функцию в произведении. Как отмечает Г. В. Бакастова, «продвигаясь по тексту, имя собственное приобретает собственную семантическую структуру» [Бакастова, 1984, 25].

Это «продвижение по тексту», т. е. ономастическая стратегия автора, во многом определяется методом, который он исповедует. Критики практически сразу отнесли творчество Ф. М. Решетникова к «народному реализму» в литературе [Шелгунов, 1871]. Представители этого направления, «осуществляя выдвинутую “Современником” программу изучения и отображения жизни демократических низов, внесли серьезный вклад в развитие русской литературы и оставили неизгладимый след в отечественной этнографии» [Соколова, 2017, 43; см. также: Фокеев, 2004; и др.]. Неслучайно некоторые исследователи предлагают рассматривать произведения писателей-реалистов как историко-этнографические источники о провинциальной жизни в России второй половины XIX — начала XX в. [см., например: Ершов, 2014; Созина, 2021]. Этнографический элемент, присутствующий во всех произведениях Ф. М. Решетникова, стал открытием для художественного сознания середины XIX в., поскольку «нес с собой реальное знание о жизни масс и фактически отвечал запросам нового метода искусства» [Созина, 2009, 283].

Открытие реалистического метода ознаменовало пересмотр авторского подхода к выбору имени собственного. Антропоним в реалистическом произведении перестает служить «прямой, “лобовой” характеристики персонажа», как это было, например, в классицистической традиции [см., например: Матвеев,

Бухаркин, 2020], но и не превращается в «пустую этикетку» [Фомин, 2021, 158]. А. А. Фомин, анализируя поэтонимы в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, верно замечает: «Характеризация персонажей через их имена в реалистическом романе должна была сохранить свой статус художественного приема, но стать менее откровенной, демонстративной и навязчивой, а для этого ее следовало перевести из сферы открыто декларируемой авторской воли, не позволяющей читателю себя не заметить, в сферу деятельности активного читательского сознания, осторожно проявляющего интенции автора и как бы догадывающегося о неочевидном смысле наименования» [Там же].

Рассмотрим, каковы стратегии проявления характеризующего потенциала антропонимов в рассказе «Никола Знаменский» Ф. М. Решетникова (1867).

Совмещение в заголовке имени собственного (*Никола*) и указания на населенный пункт (*Знаменский*) вызывает у читателя определенные ассоциации: такая структура характерна для агнионимов (ср: *Никола Можайский*, *Никола Зарайский*, *Никола Кипрский*, *Никола Рязанский*, *Никола Промзинский* и др.). Новое название, встраиваясь в ряд с именными иконами святого Николы, занимающего особое место в народных верованиях, «как бы подключается к этой парадигме по своей номинации и задает ожидание того, что речь в произведении пойдет о человеке, сопричисленном к лику святых» [Кубасов, 2017, 11].

Читательские ассоциации в рамках парадигмы, отсылка к которой наблюдается в заглавии рассказа, поддерживаются композицией произведения. «Никола Знаменский» строится по принципу житийной иконы [Кубасов, 2017]: из рассказа, структурно разделенного на 12 главок («клейм»), читатель узнает о родителях героя, о его становлении, женитьбе, чудесах, испытаниях и смерти.

Ф. М. Решетников создает житие, но житие особое, поскольку рассказывается в нем об особом человеке. В этом проявляется специфика метода писателя. Согласимся с Е. К. Созиной, заключающей, что его герои «типологичны, но не являются собой типы, как они сложились в очеркистике 1840-х гг.», другими словами, герои Решетникова «нетипически типологичны» [Созина, 2009, 291].

Имя героя, вынесенное в заглавие, повторяется Ф. М. Решетниковым в первом же предложении текста:

Прежде всего, я должен сказать вам, господа, что Никола Знаменский, мой уважаемый родитель, вовсе не выдумка, но лицо действительное¹.

Автор как будто вступает в диалог с тем самым условным читателем, который, увидев заголовок, расценил последний как агнионим, и уверяет его, что речь в рассказе пойдет о «лице действительном».

А. А. Фомин отмечает два способа введения имени в художественный текст. О первом способе можно говорить тогда, когда интродукции онима предшествует

¹ Здесь и далее текст рассказа цитируется по [Решетников, 1919, 9–54].

констатация объекта номинации, а также приписка ему ряда качеств, направленная на формирование у читателя определенных представлений: «...предварительно в сознании читателя формируется референт поэтонима, и только после этого в текст вводится собственное имя для его номинации, причем акт присвоения имени может быть эксплицирован или же иметь имплицитный характер» [Фомин, 2019, 182]. Помимо этого, существует инверсивный порядок введения собственного имени в текст: «Имя собственное в таком случае вводится как бы уже для готового, сформированного ранее референта, заведомо известного читателю, хранящегося в его памяти и в силу этого не нуждающегося в специальном представлении» [Там же].

Для автора «Никола Знаменского» принципиальным оказался инверсивный порядок ввода имени собственного в текст. Формирование референта читатель должен осуществить самостоятельно.

Никола Знаменский — священник в с. Знаменское Березовского уезда Холодной губернии — «свою обязанность <...> знал плохо, а по книжке читал еще того хуже; дьячок хотя и знал свое дело, но ленился, и если когда служил с отцом, то кричал: не так! но отец его не слушал». Точных дат церковных праздников Никола Знаменский тоже не знал («отец часто путался насчет постов и праздников»), поэтому определял их сроки приблизительно («у отца выходило так: стоял снег, появилась трава — это значит “вознесенье”, а тут скоро и Никола, а за Николой и Троица») или пользовался подсказками тетки Матрены:

- Или спрашивает: а Петро-Павла скоро?
- Еще неделя.
- А теперь што?
- Пост.
- А я уж отгулял Петро-Павла.
- Ах ты греховодник!.. Поди к благочинному, покайся.

Священника трудно было отличить от крестьян Знаменского села:

Лицом, походкой, одеждой и словами мой родитель несколько не отличался от крестьян Березовского уезда. Лицо у него было желтое, глаза большие, с большими рыжими бровями, которые росли в разные стороны и потому придавали лицу угрожающий вид; нос широкий, а когда он хохотал, то ноздри делались очень широки, оттопыриваясь кверху; борода и волосы на голове были пепельного цвета, большие, как у крестьян, и никогда не чесались. <...> Носил он лапти собственного изделия и крестьянскую шапку, сшитую из бараньей шкуры с шерстью.

Представления о мире у него были далеки от научных:

Он так же, как и крестьяне, говорил, что на другом конце живут люди с рогами, что в луне сидят Каин и Авель, и он ни за что бы не поверил, а обругал бы того, кто стал бы доказывать ему, что земля шар, и т. п.

Чтобы отстоять свою позицию, Никола Знаменский мог инициировать драку, не беря в расчет духовное звание оппонента:

Я, баэт [отец Алексей, при котором Никола Знаменский стал дьячком. — *А. Л.*], отпишу к архиерею и скажу, колды тебе приезжать постригаться <...> Ладно, думаю, и диво меня взяло: за што это волосы стричь? Не дам. На што из-за этого с попом Олексеем дома подрался маленько.

Отца Василия, не желающего отдавать свою дочь замуж, Никола отгаскал за волосы:

Я тем временем схватил попа и кричу: коли Настьку за меня не отдашь, косички твои обрублю.

Священникам не дозволено проливать кровь, однако любимое занятие Николы Знаменского — охота на медведя:

Возня с медведями, которых он любил больше всего на свете, подвижная жизнь — придавала ему бодрости и силы: он никогда не хварывал, не жаловался на слабость зрения, пил пиво и брагу целыми жбанами, ел за трех, спал подолгу и так крепко, что его трудно было разбудить.

За свою жизнь Никола Знаменский убил 43 медведей.

Он и сам напоминал медведя:

Только вдруг выходит из дверей набольшой дьякон и как гаркнет — куда те медведь какой: Николай Попов?

Показательно, что Николу называют также «колдуном»:

Особенно он ненавидел их [племянниц. — *А. Л.*] за то, что они называли его неучем, сельским дьячком; а со стороны он слышал, что они называют его колдуном, потому что он будто бы посадил им по киле; у них было по грыже под подбородком — местная болезнь, происходящая там и теперь от нечистоты и влияния климата.

Травестируя образ житийного персонажа, Ф. М. Решетников травестирует и житийные мотивы. Женитьба Николы Знаменского на дочери попа Василия Настеньке описана в смеховом ключе:

Мой отец долго вспоминал про свою свадьбу. «Уж так-то мы всем селом тешились — и не говори! В первый день восемь корчаг пива, да шесть корчаг браги, да полведра вина высосали... Всю посуду, какая у попа была, перебили... А уж што это сажай лицо ему мазали, и не говори!.. Пляски были — страсть! Уж нигде не было и не бывать такой свадьбе, какая была у Миколки Знаменского!»

Никола совершает чудеса, но они все ненастоящие. Например, совместно с дьячком Сергунькой они фальсифицируют чудо говорящей иконы. Все это

не остается незамеченным для церковного начальства: после проведенного расследования Николу Знаменского лишают духовного звания (мытарства героя), а затем и вовсе помещают в острог, где он умирает.

Казалось бы, функция названия рассказа «Никола Знаменский» — обмануть ожидания читателя. Однако «с крестьянами мой отец жил дружно: барства в нем никакого не было, и за простоту все любили его»; «античудо» говорящей иконы заставляет черемисов-язычников ходить в церковь. Несмотря на то что попа Николу расстригли, крестьяне продолжили приходить к нему с просьбой совершать требы:

Но как ни уверял он обывателей, те не хотели верить... Покойников и родившихся прибыло много, а так как отец не хотел справлять требы и прочие службы, то крестьяне не отходили от его дома.

Других священников крестьяне не признавали:

Церковь была заперта месяца четыре, и, когда приехал новый священник с дьячком, крестьяне объявили им, что у них есть поп Микола и дьячок Сергунька. Как ни бился священник, только ни один человек не шел к нему ни за чем.

Поскольку ни один священник после Николы не задерживался в Знаменском, «приход перевели в другое село; церковь недолго стояла; она сгорела от молнии». Последний факт можно отнести к посмертным чудесам Николы Знаменского.

Имя собственное главного персонажа, введенное автором в текст произведения в первом предложении, появляется и в самом конце рассказа:

И теперь наши знаменские крестьяне помнят отца: «Не бывать уж такому доброму попу, какой был Никола Знаменский».

Антропоним закольцовывает композицию, как бы возвращая герою имя, достойное святого.

Таким образом, образ главного героя рассказа Ф. М. Решетникова строится на столкновении двух точек зрения: народной и официальной. Рассмотрим отражение этого столкновения в разных ономастических стратегиях, используемых автором в рассказе.

Антропонимы в «Николе Знаменском»

Антропонимы активно используются Ф. М. Решетниковым в тексте рассказа, однако далеко не все персонажи обладают именами. Как правило, не обозначаются при помощи имен персонажи дальнего круга. Благочинный, владыка, протодьякон, певчие, архиерей, семинаристы и другие персонажи, встреченные Николой Знаменским в губернском городе, демонстративно безымянны.

Не имеют имен собственных и крестьяне, нередко в рассказе называемые просто «народом»:

Народ поглядел на отца;

Народ хихикнул;

Народ было собрался в избу, да мы его брагой угостили

и т. д.

Имена носят десять персонажей произведения. В «Николе Знаменском» в разных вариантах встречается шесть мужских (*Сергей, Николай, Семен, Иван, Алексей, Василий*) и два женских (*Матрена, Анастасия*) имени. Все персонажи, обозначенные данными именами, непосредственно связаны с главным героем.

В тексте не раз подчеркивается особое отношение главного героя к своему имени и к имени вообще. Имянаречение, по мнению Николы, важнее дня рождения:

Летосчисление мое [рассказчика, сына главного героя. — *А. Л.*] считалось с именин, потому что ни отец, ни мать не помнили, которого числа я родился.

Неслучайно в рассказе очень подробно описывается обряд имянаречения сына главного героя (рассказчика). Между отцом и священником разыгралась настоящая баталия за право дать имя младенцу:

А как у меня другой сын родился, поп и я хмельные больно были. Поп и дает ему свое имя...

— Нет, баю, поп, давай мое!

— Нет, бают, не хочу.

— А ты, баю, своего парня наживай и давай ему свое имя, а этова парнишку я сам назову...

Так поп ничего и не сделал со мной. Сперва было учнул сказывать: крещается раб божий Василий, да я крикнул: не Васька, а Колька! Колька в отца пойдет. Ну, значит, Колька у меня и сделался. После было хотел я это имя дать Ваньке, а Ванькино Кольке, да поп метрики услал к благочинному.

По представлениям Николы Знаменского, получив имя отца, ребенок обретет и его характер.

Отношение главного героя к фамилии иное. С собой герой фамилию не отождествляет, свое официальное именование (*Николай Сидоров Попов*) не принимает и даже поправляет благочинного:

Благочинный важно запахнул и сказал: «Ты, што ли, священник Николай Попов?» — «Тошно так, батюшко: я Микола Знаменский».

Сыновей своих Никола Знаменский не хотел записывать под фамилией *Попов*:

При поступлении моем и брата моего Ивана в семинарию вышло недоразумение, потому что отец мой никак не хотел согласиться, что он Попов. Когда ему говорили: «Да ведь ты Попов?» — он говорил: «Знамо, поп, а парнишки што за попы? Эк, како слово сказано». Так меня назвали Поповым, а брата Ивана — Знаменским.

Таким образом, имя (но не фамилия), согласно представлениям главного героя, — носитель индивидуальной информации о человеке. Если обращаться к человеку по фамилии, то твою личину может примерить на себя и другой человек:

Отец выпустил дьячка; оба они запыхались и с удивлением смотрели на дьячка в подряснике, сапогах и шляпе.

— Который из вас священник Попов?

— Я, — сказал отец.

— Нет, я! — сказал дьячок.

После расстрижения вместе с духовным званием Никола Знаменский «снимает» с себя и имя:

Когда он приехал в село, крестьяне говорили, что они стосковались о нем. «Не поп уж я теперь, — говорил он им, — и не Никола Знаменский, а хрестьянин».

Но крестьяне возвращают имя главному герою:

И теперь наши знаменские крестьяне помнят отца: «Не бывать уж такому доброму попу, какой был Никола Знаменский».

«Подключаясь» через имя к народной стихии, главный герой проявляет свою «нетипическую типологичность» (Е. К. Созина). Отсюда и его особость, непохожесть на других представителей духовенства, описанных в рассказе. Потеря духовного звания равносильна для героя потере имени, с одной стороны, а с другой стороны, влечет за собой возврат к восприятию себя как части целого («хрестьянин» — крестьянин — человек).

Помимо наличия / отсутствия имени, все персонажи разделяются по типу вариативности форм имени. Можно говорить о *плюралистическом* типе, когда имя героя разнообразно варьирует в зависимости от того, в чьей речи употребляется; *двуваленном* типе, когда варьирование ограничивается двумя вариантами (полное имя и гипокористика), и *константном* типе, при котором варьирование отсутствует и в тексте встречается один закреплённый вариант. Рассмотрим эти типы подробнее.

Плюралистический тип вариативности форм имени в рассказе

Как уже отмечалось, имя главного героя вынесено в заглавие произведения и отрефлектировано им самим. Кроме того, именно оно оказывается самым вариативным; посредством плюралистического типа вариативности автор выделяет Николу Знаменского среди других персонажей.

В тексте различные формы имени *Николай* встречаются 36 раз в семи вариантах: полная форма — *Николай* (4 раза); народные формы полного имени — *Никола* (12 раз), *Микола* (3 раза), *Микула* (2 раза); гипокористические формы — *Миколка* (2 раза), *Николаха* (1 раз), *Колька* (1 раз). Отметим, что вариативность данного имени проявляется и на уровне референта: помимо главного героя, имя *Николай* носит его сын (оно в разных формах упоминается 6 раз), а также святой Николай: *святой Николай* — 5 раз, *Никола* — 7 раз, *Микола* — 2 раза, *Микола-угодник* — 1 раз; *Николин день* — 5 раз.

Жена величает Николу по отчеству: *Сидорыч* (4 употребления). Встречается также обозначение персонажа по фамилии *Попов* (2 раза) и с использованием полной патронимической формулы: *Николай Сидоров Попов* (1 раз).

Форма имени в рассказе Ф. М. Решетникова напрямую зависит от сферы его употребления. Имя главного персонажа встречается в речи (прямой и косвенной) родственников (брата, сестры), друга и напарника по охоте — дядька Сергуньки, в речи самого Николы Знаменского, крестьян с. Знаменское (паствы), в речи представителей церковной власти (благочинного, его дьякона) и рассказчика.

Официальная форма имени отмечена в речи представителей церковной власти, в том числе зафиксирована письменно:

Родитель мой, по бумагам благочинного, назывался «иерей Николай Сидоров Попов».

Ей пользуется благочинный («Отец подошел к благочинному, низко поклонился ему и подошел под благословение. Благочинный важно запахнулся и сказал: «Ты, што ли, священник Николай Попов?»») и его дьякон («Только вдруг выходит из дверей набольшой дьякон и как гаркнет — куда те медведь какой: Николай Попов?»»). Встречается полная форма имени и в речи рассказчика:

Крестьянам хотелось посмотреть, что будет делать в церкви Николай Знаменский, которого они любили.

Сам Никола Знаменский использует народную форму *Никола*, а вместо фамилии — указание на церковь, в которой служит, вследствие чего нередко возникает недопонимание:

— Што, бает, тебе?

— Я, баю, Никола Знаменский.

– Кто? Спрашивает [благочинный. — *А. Л.*].
Кое-как растолковались.

Главный герой и «на бумагах подписывался просто: поп Никола Знаменский, на что, впрочем, благочинным мало обращалось внимания».

То же именование встречается в речи крестьян («в деревнях, в Знаменском селе, Березовского уезда, Холодной губернии, назывался Никола Знаменский; так же, как и дед мой, вероятно потому, что в селе нашем была Знаменская церковь»), а также в речи рассказчика:

Когда я, по окончании курса в семинарии, поступил в академию, то над моей походкой и произношением долго смеялись товарищи, удивляясь в то же время моему телосложению и силе. Да! та ли еще была бы у меня сила, если бы я был Никола Знаменский.

Показательно, что в речи рассказчика антропоним *Никола Знаменский* появляется тогда, когда он старается подчеркнуть свою непохожесть на главного героя рассказа.

Народная форма имени *Микола* [см.: Успенский, 1982, 18] вводится в текст рассказчиком, когда он косвенно передает речь крестьян или речь самого главного героя:

Церковь была заперта месяца четыре, и, когда приехал новый священник с дьячком, крестьяне объявили им, что у них есть поп Микола и дьячок Сергунька;

После этого черемис не снимал образа и даже стал ходить в церковь, думая, что поп Микола с образами разговаривает; его примеру последовало несколько черемисов.

При назывании рассказчика (тезки героя) такая форма не употребляется.

Показательно, что народные формы *Никола*, *Микола* встречаются в рассказе еще и при упоминании святого Николая, а также хрононима, с ним связанного:

— Што? — сказал сердито отец и кричит: — Скажи, батюшко, Микола-угодник, пошто он тебя снял?

— А што, Микола скоро? — спрашивают крестьяне. — Как снег стает да первый дождь будет, тут, значит, и Микола;

Так ты, образина ты эдакая, над святым ликом хохотать?.. Никола дождики дает, Никола здоровье дает, Никола хлеб дает, Никола тебя сичас громом убьет.

Форма имени *Микула* появляется только в прямой речи крестьян:

— Батюшко Микула... — Подать надо, — говорит крестьянин, чуть не плача;

Один раз он, хмельной, за что-то избил восемь черемисов, и все черемисы нашего прихода боялись «знаменского Микулы».

Гипокористические формы имени используют в своей речи родственники Николы: тетка Матрена («Вот что рассказывала мне тетка Матрена. — Николаха сказывал, что уж он теперь не поп, а хуже дьячка»), брат Семен и сам главный герой:

А Сенька как взглянет на меня [здесь и в следующем примере — речь главного героя. — *А. Л.*] по-коровьи и скажет благочинному: «Врет Миколка»;

Уж нигде не было и не бывать такой свадьбе, какая была у Миколки Знаменского!

Таким образом, варьируя формы личного имени главного персонажа, Ф. М. Решетников разводит разные пласты повествования: «объективный» (речь рассказчика), субъективный (речь главного персонажа), сферу ближнего круга (семья, Сергунька), сферу дальнего круга (церковное начальство). В речи крестьян вариативность имени главного героя совпадает с вариативностью форм в речи самого Николы Знаменского.

Двухвалентный тип варьирования форм имени в рассказе

Три имени изменяются в рассказе единообразно — по принципу наличия полной и гипокористической формы: *Семен* (2 раза) / *Сенька* (6 раз), *Иван* (4 раза) / *Ванька* (3 раза), *Николай* (1 раз) / *Колька* (4 раза) (сын главного героя; полная форма встречается в тексте 4 раза, гипокористическая — 3 раза).

Полные формы имени характерны для речи рассказчика:

У этого дьячка, моего деда, которого, однако, мне не привелось видеть, было два сына: Николай, мой отец, и Семен да еще дочь Матрена;

Дядя Семен, проживши в городе год, значительно пообтерся;

У отца было уже два сына, Иван и я, Николай.

Гипокористики (формы на *-ка*²: *Сенька*, *Ванька*, *Колька*) встречаются только в речи главного героя:

Сенька бает: ты, бает, чупарый, тебя не сделают, а меня, бает, сделают, потому у меня, бает, в лукошке два ста двенадцать два яйца, а у тебя только два ста;

Пошли мы с Сенькой в кабак, Сенька дразнится: што, бает, я в город, а ты в село;

Уж я никогда так не рявкал, как на Ванькиных крестинах!

² Согласимся в данном случае с Е. А. Астафьевой, что «дериваты на *-ка* не имеют эмоционально-оценочных коннотаций, однако обладают некоторой стилистической сниженностью» [Астафьева, 2016, 7].

Так поп ничего и не сделал со мной. Сперва было учнул сказывать: крещается раб божий Василий, да я крикнул: не Васька, а Колька! Колька в отца пойдет. Ну, значит, Колька у меня и сделался. После было хотел я это имя дать Ваньке, а Ванькино Кольке, да поп метрики услал к благочинному.

Таким образом, для второго типа вариативности форм имени характерна однородная картина: полная форма имени попадает в сферу «объективного» повествования, гипокористика — в сферу субъективного.

Показательно, что имя сына (тезки главного героя) варьирует по другому типу, нежели имя главного героя рассказа, в том числе в речи самого Николы Знаменского. Народные формы (*Никола, Микола, Микула*) по отношению к рассказчику не употребляются. Форма *Колька*, характеризующая рассказчика, не встречается в применении к главному герою. Напомним, что Никола хотел поменять имена сыновей между собой:

После было хотел я это имя дать Ваньке, а Ванькино Кольке, да поп метрики услал к благочинному.

Более того, отец Ваньку записал *Знаменским*, а Кольку — *Поповым*. Хотя именно из-за этой «фамилии» у брата рассказчика возникли проблемы:

От этого при поступлении моем и брата моего Ивана в семинарию вышло недо-разумение, потому что отец мой никак не хотел согласиться, что он Попов. Когда ему говорили: «Да ведь ты Попов?» — он говорил: «Знамо, поп, а парнишки што за попы? Эк, како слово сказано...» Так меня назвали Поповым, а брата Ивана — Знаменским.

Таким образом, исходя из официальной версии имени («по бумагам благочинного»), рассказчик оказался абсолютным двойником главного героя. Но на самом деле, своевольно распределив «фамилии» между сыновьями, Никола увеличил разницу между собой и своим тезкой.

Никола Знаменский имеет больше совпадений со святым, чем с тезкой-сыном. Святой называется в тексте рассказа *Николой, Миколой, Миколой-угодником*. Для образа Николы Знаменского указание населенного пункта совместно с антропонимом принципиально. В тексте рассказа всего один раз Никола называется без привычного *Знаменский*. Сергунька, имитируя разговаривающую икону святого Николы, угрожает черемису, но предостерегает священника: «Никола, поберегись». В абзаце до этого четыре раза в беседе о святом Николе главный герой использует имя святого без привычных православных эпитетов (*угодник* или *чудотворец*):

Так ты, образина ты эдакая, над святым ликом хохотать?.. Никола дождики дает, Никола здоровье дает, Никола хлеб дает, Никола тебя сичас громом уьет..

Происходит своеобразное слияние образов.

Сравнение типа вариативности имени главного героя и имени рассказчика еще раз оттеняет особость заглавного персонажа рассказа. Коннотативное значение имени Николы Знаменского, ассоциирующееся у носителя традиционного сознания с именем святого Николы, выходит на первый план. Автору удается при помощи разных ономастических стратегий отделить главного героя от его тезки (рассказчика), но сблизить с Николаем Угодником.

Константный тип вариативности имени в рассказе

Для этого типа характерно использование лишь одной формы имени, выбор которой зависит от интенций главного героя. При упоминании людей, с которыми герой лично знаком, но «не входящих в круг его постоянных контактов» [Астафьева, 2016, б], используется только полное имя, при именовании лиц ближнего круга — гипокористики. Например, говоря об отце Василии, герой рассказа Ф. М. Решетникова последовательно использует полную форму (4 раза), а при назывании лица ближнего круга — Васьки-писаря — гипокористику (2 раза).

Несмотря на то что Никола Знаменский с отцом Алексеем подрался, а отца Василия оттаскал за волосы, при упоминании церковных начальников появляются полные формы имен:

Первым делом поп Василий остановился со своей женой и дочерью Настькой у меня и стал думать, как бы ему дом выстроить, да большой, в пять горниц.

Полная форма имени при назывании священников используется в речи не только Николы Знаменского, но и других героев произведения (рассказчика и «городского» дьякона).

Речь Николы Знаменского индивидуализирована. Священника, при котором Никола Знаменский «сделался дьячком» (отца Алексея), главный герой называет *Олексеем*:

Сидим мы за столом на поминках; поп Олексей и бает: а кто, бает, из вас, теперича, робята, дьячком хочет сделаться?

Поп Олексей и бает: двоим негоже, одному нужно.

Диалектный вариант имени, которого на письме (графически) можно было бы избежать, встречается в тексте рассказа чаще (5 раз), чем его нейтральная форма (2 раза), и только в речи Николы Знаменского.

В отличие от служителей церкви, близкие Николе люди называются при помощи форм на *-ка*. Например, напарника Николы Знаменского по охоте, дьячка Сергуньку, все (главный герой, рассказчик, крестьяне) называют одинаково (имя встречается в тексте 43 раза).

Не подвергаются вариативности в рассказе и женские имена. Они употребляются в одной форме: полной (*тетка Матрена*³ — 9 раз) или гипокористической (*Настька*⁴ — 10 раз).

Выводы

«Никола Знаменский» — это произведение, в котором именование персонажей обладает во многом определяющим значением. «Рассказ доктора» начинается с антропонима, антропонимом и заканчивается. При помощи имени главный герой (пусть и не напрямую) противопоставляет себя церковному начальству. Имя, по мнению главного героя, задает характер и судьбу человеку («в меня пойдет»). Лишившись духовного звания, герой отказывается от имени.

Сталкивая разные ономастические стратегии в рамках художественного текста, Ф. М. Решетников создает неоднозначный и многогранный образ главного героя — героя народного. Имя помогает автору отделить Николу Знаменского от других персонажей рассказа. Благодаря демонстрации разности ономастических стратегий Николы Знаменского и представителей церковной власти автору удается не только подчеркнуть особость главного героя рассказа, но и наметить зону конфликта между крестьянской (народной) и официальной (церковной) позицией.

Имя для Николы Знаменского — выражение его индивидуальности и экстраординарности. Никола Знаменский — иллюстрация тезиса И. А. Дергачева: «То, что в классическом реализме считалось казусом, случаем, нетипическим, здесь [в произведениях Ф. М. Решетникова. — *А. Л.*] получает типическое значение вследствие того, что вскрывается закономерность существования, закономерность процесса» [цит. по: Созина, 2009, 291]. В ряду священников Никола — казус: он дерется, любит охоту, не умеет вести службу. Но казус этот в народной среде оказывается явлением типическим. Неслучайно крестьяне полюбили Николу и после того, как он сам снял с себя имя («не Никола Знаменский, а хрестьянин»), восстановили его в правах:

³ Полная форма имени *Матрена* встречается исключительно в речи рассказчика. Скорее всего, позиция рассказчика совпадает с позицией Николы Знаменского, который уважал и любил сестру. Как уже отмечалось, она, помимо прочего, обладала знанием, которого не было у священника. Следует отметить, что качественную форму имени *Николай (Николаха)* использует именно тетка Матрена.

⁴ Показательно, что относительно двух персонажей (самого Николы и его жены) писатель использует величание по отчеству: *Сидорычем* (4 раза) называет Николу Знаменского жена (за глаза), он ее — *Настькой*. *Васильевной* (1 раз) называет жену попа крестьянка, пришедшая рассказать о своей горе: «Случится у кого-нибудь беда, идет к ней женщина и вост: — Васильевна!.. сам помрат... ох!.. ох!.. Погорюет с ней мать и запечалится».

И теперь наши знаменские крестьяне помнят отца: «Не бывать уж такому доброму попу, какой был Никола Знаменский».

Ономастическое варьирование — продуктивный прием для создания образа персонажа. Максимальная ономастическая вариативность характеризует главного героя рассказа. Никола Знаменский не подключен ни к официальной, ни к семейной парадигме (своему сыну-тезке он противопоставлен так же, как «священникам» и «попам», образы которых частотны в рассказе Решетникова), но оказывается вписанным в парадигму народную. Именно в рамках народной парадигмы герой Ф. М. Решетникова сближается со святым Николаем — самым почитаемым русским святым.

Вынося один из вариантов имени главного героя в заглавие рассказа, автор и сам, на наш взгляд, присоединяется к народной парадигме, в которой поп, забывающий церковные праздники, имитирующий чудеса, приравнивается к святому. В этом контексте неслучайно упоминание о том, что церковь без Николы «недолго стояла; она сгорела от молнии», встраивающееся в корпус текстов о разного рода знаменях, широко распространенных в традиционной культуре.

Вариативность имени персонажа позволила автору произведения создать неоднозначный образ народного священнослужителя.

Источники

Решетников Ф. М. Никола Знаменский // Решетников Ф. М. Никола Знаменский ; Тетушка Опарина : [рассказы]. СПб. : Лит.-изд. отд. нар. ком. по просвещению, 1919. С. 9–54.

Исследования

Астафьева Е. А. Факторы, определяющие выбор формы личных имен в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 5–10.

Бакастова Г. В. Имя собственное в художественном тексте // Русская ономастика : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. А. Карпенко. Одесса : Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова, 1984. С. 23–27.

Баранова К. И. Об ассоциативном потенциале имени главной героини в рассказе Т. Н. Толстой «Охота на мамонта» // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 79–87.

Васильева Н. В. Литературная ономастика: традиционное и новое. [Рец. на кн.]: Kohlheim, V. *Der Name in der Literatur* / V. Kohlheim, unter Mitarbeit von R. Kohlheim. — Heidelberg : Winter, 2019. — 371 S. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 4. С. 241–251. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.055

Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология : дис... канд. филол. наук : 10.01.08 / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2001.

Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе. М. : Изд-во РУДН, 1988.

Ершов М. Ф. Тексты писателей-реалистов как историко-этнографические источники провинциальной жизни второй половины XIX — начала XX в. // Вестник угрюдения. 2014. № 3 (18). С. 133–143.

- Кубасов А. В. Нарративная структура рассказа «Никола Знаменский» и житийная икона // Кубасов А. В. Художественно-документальная очерковая проза Ф. М. Решетникова. [Б. м.] : Издательские решения, 2017. С. 9–21.
- Матвеев Е. М., Бухаркин П. Е. Антропонимы в русской литературе XVIII века: о некоторых аспектах функционирования имени в оде и трагедии // Русская литература. 2020. № 3. С. 5–19.
- Созина Е. К. Специфика жанрового мышления Ф. М. Решетникова // Дергачевские чтения — 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. : в 2 т. / сост. А. В. Подчиненов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. С. 281–292.
- Созина Е. К. «Наша литература должна говорить правду». Реалистическая мифопоэтика повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» // Русская словесность. 2021. № 3. С. 3–12.
- Соколова В. Ф. Характер этнографизма русской демократической литературы 60-х годов XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1 (72). С. 42–44.
- Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века (источники, тип творчества, история развития) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004.
- Фомин А. А. Всегда ли литературная ономастика тождественна поэтической ономастике? // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 57–67.
- Фомин А. А. Загадочный *Арвентур*: поэтоним как ключевое слово произведения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 4. С. 180–201. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.052
- Фомин А. А. Ономастическая пушкиниана: о поэтонимах *Ларин*, *Ларина*, *Ларины* в романе «Евгений Онегин» // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 156–176. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.024
- Шелгунов Н. Народный реализм в литературе // Дело. 1871. № 5. URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1871_realizm.shtml (дата обращения: 07.05.2022).

Рукопись поступила в редакцию 08.05.2022

Рукопись принята к печати 13.12.2022

* * *

Липатова Антонина Петровна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, литературы
и журналистики
Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
432071, Ульяновск, пл. Ленина, 4/5
E-mail: antonina.antonina282@yandex.ru

Lipatova, Antonina Petrovna
PhD, Associate Professor, Department
of Russian Language, Literature,
and Journalism
Ulyanovsk State University of Education
4/5, Lenin Square, 432071 Ulyanovsk, Russia
Email: antonina.antonina282@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9041-1342>

Antonina P. Lipatova

Ulyanovsk State University of Education
Ulyanovsk, Russia

**VARIATION OF PROPER NAMES
IN *NIKOLA ZNAMENSKY* BY FYODOR RESHETNIKOV**

The paper explores the variety of onomastic strategies in the short story *Nikola Znamensky* by Fyodor Reshetnikov, a follower of the ethnographic movement in the Russian literature of 1860s. It is typical for his works to omit the use of first names in the titles (*Glumovs*, *Aunt Oparikh*, *Gossip Mironikh*, *Ilyich*, *Maxya*, *Yashka*) whilst they play an important role in the stories. For example, the *Doctor's story* begins with the first name and so it ends. The name suggests that the protagonist (albeit not openly) opposes himself to the official church position. Apart from that, the character himself claims that the name predicts his fate. Having lost the spiritual title, he also refuses the name. Within the text, only ten characters are named, and the naming strategies used in each case are different. The distinguishing factor is the variability of the name forms. This article aims to understand whether this variation affects the way the nature of the character is represented in the story. The analysis shows that the story features six context-driven forms of the name of the story's main character, Nikola Znamensky. Religious teachers address Nikola by using the full form of the name. The narrator also refers to him as *Nikolai*. The character himself (and his fellows) tend to use both the full and the "folk" forms of the name (*Nikola*, *Mikola*, *Mikula*). The members of the family use the hypocoristic forms. The names of other characters (from the family circle: brother, sons) are also subject to change: the full form is typical for the speech of the narrator, the derivative diminutive *-ka* appears in the speech of the priest. The protagonist's namesake son also has a separate derivative name reference (*Nikolai* — *Kolka*) which emphasizes the special role of the title character. The name's variability thus reflects the main character's embedding into various social networks and, more importantly, into the "folk" paradigm linking it to the figure of Saint Nicholas. The author concludes that Reshetnikov uses name variability as a characteristic means that adds to the types portrayed in the story.

Key words: Fyodor Reshetnikov; *Nikola Znamensky*; anthroponymy; literary onomastics; variability; onomastic strategy

- Astafyeva, E. A. (2016). Faktory, opredelivayushchie vybor formy lichnykh imen v diskurse dialektnoi iazykovoï lichnosti [Factors Determining the Choice of the Form of Personal Names in the Discourse of a Dialect Speaker]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 407, 5–10.
- Bakastova, G. V. (1984). Imia sobstvennoe v khudozhestvennom tekste [Proper Name in a Literary Text]. In Yu. A. Karpenko (Ed.), *Russkaia onomastika* [Russian Onomastics] (pp. 23–27). Odesa: Odesa I. I. Mechnikov State University.
- Baranova, K. I. (2013). Ob assotsiativnom potentsiale imeni glavnoi geroini v rasskaze T. N. Tolstoi "Okhota na mamonta" [On the Potential Associative Meaning of the Main Character's Name in the Story *Hunting for a Mammoth* by Tatyana Tolstaya]. *Voprosy onomastiki*, 1, 79–87.
- Ershov, M. F. (2014). Teksty pisatelei-realistov kak istoriko-etnograficheskie istochniki provintsial'noi zhizni vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Texts of Realist Writers as Historical and

- Ethnographic Sources of Provincial Life in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries] *Vestnik ugrovedeniia*, 3, 133–143.
- Fokeev, A. L. (2004). *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom protsesse XIX veka (istoki, tip tvorchestva, istoriia razvitiia)* [Ethnographic Movement in the Russian Literary Process of the 19th Century (Origins, Style, Development)] (Habilitation dissertation). Moscow State University of Education, Moscow.
- Fomin, A. A. (2009). Vsegda li literaturnaia onomastika tozhdestvenna poeticheskoi onomastike? [Is Literary Onomastics Always the Equivalent of Poetic Onomastics?]. *Voprosy onomastiki*, 7, 57–67.
- Fomin, A. A. (2019). Zagadochnyi *Arventur*: poetonim kak kliuchevoe slovo proizvedeniia [The Mysterious *Arventur*: Poetonym as a Key Word of a Literary Work]. *Voprosy onomastiki*, 16(4), 180–201. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.052
- Fomin, A. A. (2021). Onomasticheskaia pushkiniana: o poetonimakh *Larin*, *Larina*, *Lariny* v romane “Evgenii Onegin” [Onomastics in Pushkin Studies: The Names *Larin*, *Larina*, *Lariny* in *Eugene Onegin*]. *Voprosy onomastiki*, 18(2), 156–176. http://doi.org/10.15826/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.024
- Gorbanevsky, M. V. (1988). *Onomastika v khudozhestvennoi literature* [Onomastics in Literature]. Moscow: RUDN Press.
- Kubasov, A. V. (2017). *Khudozhestvenno-dokumental'naia ocherkovaia proza F. M. Reshetnikova* [Fiction and Documentary Essay Prose by F. M. Reshetnikov]. [S.l.]: Izdatel'skie resheniia.
- Matveyev, E. M., & Bukharkin, P. E. (2020). Antroponimy v russkoi literature XVIII veka: o nekotorykh aspektakh funktsionirovaniia imeni v ode i tragedii [Anthroponyms in Russian Literature of the 18th Century: Names in Ode and Tragedy]. *Russkaia literatura*, 3, 5–19.
- Shelgunov, N. (1871). Narodnyi realizm v literature [Popular Realism in Literature]. *Delo*, 5. Retrieved from http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1871_realizm.shtml (accessed on: 07.05.2022).
- Sokolova, V. F. (2017). Kharakter etnografizma russkoi demokraticeskoi literatury 60-kh godov XIX v [The Nature of the Ethnographicism of Russian Democratic Literature of the 1860s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6-1, 42–44.
- Sozina, E. K. (2009). Spetsifika zhanrovogo myshleniia F. M. Reshetnikova [The Specifics of Genre in the Works of F. M. Reshetnikov]. In A. V. Podchinenov (Ed.), *Dergachevskie chteniia — 2008. Russkaia literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti. Problema zhanrovkh nominatsii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf.* [Dergachev Readings — National and Regional Trends. The Problem of Genre. Proceedings of the 9th International Conference] (Vol. 1, pp. 281–292). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Sozina, E. K. (2021). “Nasha literatura dolzhna govorit' pravdu”. Realisticheskaia mifopoetika povesti F. M. Reshetnikova “Podlipovtsy” [“Our Literature Must Tell the Truth.” Realistic Mythopoetics of F. M. Reshetnikov’s story *Podlipovtsy*]. *Russkaia slovesnost'*, 3, 3–12.
- Uspenskij, B. A. (1982). *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei. Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiiskogo* [Philological Research in the Field of Slavic Antiquities. Relics of Paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra]. Moscow: Moscow University Press.
- Vasilyeva, N. V. (2019). Literaturnaia onomastika: traditsionnoe i novoe [Literary Onomastics: Traditional and New]. *Voprosy onomastiki*, 16(4), 241–251. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.055
- Vinogradova, N. V. (2001). *Imia personazha v khudozhestvennom tekste: funktsional'no-semanticheskaia tipologiia* [Name of a Character in a Literary Text: Functional and Semantic Typology] (Doctoral dissertation). Tver State University, Tver.

Received on 8 May 2022

Accepted on 13 December 2022